

ГДЕ В СЛОВЕ «ВОРОБЕЙ» можно сделать ошибку?

Елена Вонарх,
*учитель начальных классов Азовского лицея
Краснодарского края*

Мы продолжаем публиковать репортажи из экспериментального лицея кубанской станицы Азовской, где шестой год продолжается работа по реализации природосообразной технологии языкового образования. На этот раз слово взяла учительница третьего класса Елена Валерьевна Вонарх — учитель-словесник, увлечённый работой с младшими школьниками.

Читайте Мольера

Учительствуя в старших классах, я всё время спрашивала себя: почему десять лет обучая ребёнка грамотности, мы не можем его этому научить, а моя бабушка, не знающая ни одного правила, пишет без ошибок? А ведь она, не зная дидактики, утверждала гениальную дидактическую истину: «Глаза запоминают слова, а рука их правильно пишет».

Решила я из старших классов сама пойти в первый класс и посмотреть, где начало бед правописания. И что же я увидела здесь? С первых дней — ПРАВИЛА. Дети начинают работать не с текстом, а с буквой и звуком. Учителя учат произносить эти звуки семилетнего человека, который умеет это делать с пелёнок, ибо живёт среди людей,

говорящих на его родном языке, подражает речи взрослых.

Не так давно перечитывала пьесу Мольера «Мещанин во дворянстве», где меня поразила одна сцена. Учитель философии по просьбе главного героя начинает учить его правописанию. И начинает-то с чего?! С правильности произношения отдельно взятых звуков! Как это нелепо: человек в почтенном возрасте учится правильно складывать губы «трубочкой», чтобы воспроизвести звук «у». А ведь именно это и происходит в массовой школе. Мы учим ребёнка родному языку так, как будто он до школы никогда его не слышал и никогда на нём не говорил.

Беседую с учительницей первого класса, которая преподаёт по традиционной программе, изучая звуки и буквы как основные единицы языка, и слышу восторженные отзывы, что дети, проучившись полгода, умеют легко классифицировать

звуки по твёрдости-мягкости, глухости-звонкости и т.п. Ловлю себя на мысли: а не попробовать ли мне в будущем наборе первоклассников воспитывать уже с первых дней языкознание? И тут же вспоминается комедийность урока правописания в комедии Мольера...

Пишем нужный ребёнку текст

...Сейчас подходит к концу третий год моей экспериментальной работы над грамотностью в рамках сетевой ФЭП под руководством НИИ школьных технологий. Читали сказки Пушкина, изданные «рукописным» шрифтом, писали «с графическим ориентиром» тексты песен, пели и заучивали постепенно. Письмо с графическим ориентиром позволило миновать бессмысленные для ребёнка упражнения в написании крючков, палочек и закорючек. Как удивляются родители, когда их ребёнок, проучившись несколько дней в школе, приносит «написанную» каллиграфическим почерком «бабушкину» песню и просит вместе с родителями спеть её с листа. Есть мотивация, на лицо успешность ребёнка — его хвалят, восторгаются его работой. Вместо пресловутых крючков и палочек создаём по образцу замысловатые узоры-орнаменты. Научились видеть красоту узора и между делом в произвольном режиме наработали правописание этих самых крючков.

Слово — не воробей...

Я раньше увлекалась словарной работой: мы наклеивали в альбомы картинки, разукрашивали их, выписывали словарные слова, находили их в орфографических словарях, составляли с ними предложения, писали словарные диктанты, произнося слова орфоэпически. Однажды я задала на уроке привычный вопрос и, услышав ответ семилетнего ребёнка, ужаснулась нелепости своего вопроса. Я написала на доске слово «воробей» и спросила первоклашек: «А где в этом слове можно сделать ошибку?» И получила достойный ответ: «Нигде!» А ведь и вправду — нигде! Они действительно не делают ошибок в этом слове, пока им учителя не начнут задавать нелепые вопросы. Отдельная работа со словарными словами была отставлена.

Как же быть с правилами? Ведь программный минимум есть закон и его надо выполнять. Правила изучали, но по мере необходимости. Появилась у Светы ошибка в написании безударной гласной, проводим работу с девочкой по поводу написания слов с безударными гласными в корне слова. Возник вопрос у Саши в написании ЖИ-ШИ, появился ответ этому ребёнку. Конечно, это кропотливая работа, ведь работать приходится с каждым индивидуально. А если озвучил эту ошибку «прилюдно», то через некоторое время она появляется у тех, кто раньше её не допускал.

Как же без упражнений? Упражнения есть. Но не простое угадывание «а» или «о», «е» или «и», или тупое списывание текстов из учебника, а переписывание стихотворения для дальнейшего заучивания наизусть, переписывание информации к тому или иному событию или празднику и выход с этой информацией «в люди», записывание рецептов кулинарных изделий и изготовление их с мамами на кухне. Кстати, переписать кулинарный рецепт не так просто: ведь в нём много сокращений, труднопроизносимых компонентов и т.п. Но один из главных в этой работе моментов: ребята не только списывали текст, но и корректировали его. На таких уроках учителю присесть некогда. У каждого ученика индивидуальная работа, а тебе надо успеть проверить каждую, чтобы пишущий успел откорректировать свой материал. В это время у учителя в руке не красная ручка, а белый штрих-корректор. По поводу красной ручки тоже есть повод поспорить: ведь мы привыкли пометать красным знаменательные события, праздники, «красный» — красивый, а получается, красный — опасный или это торжество проверяющего?! Пока ребёнок не может объяснить с точки зрения языкознания допущенную ошибку, то и заострять на ней взгляд он не должен. Поэтому учитель «замазав» (спрятав) ошибку, возвращает ученика к тому, чтобы тот ещё раз прошёл глазами

по тексту, нашёл это слово и правильно воспроизвёл его, таким образом, он как бы фотографирует слово и откладывает его в памяти. Я думаю, что на вопрос: «Почему так написал?» он найдёт ответ позднее, а пока так, «потому что не может быть иначе».

Помоги ученику, а не лови его на неверном слове

А теперь по поводу диктантов. Я обязательно выписываю текст диктанта на доске. Даётся установка: кто уверен в себе, тот глаза на доску не поднимает, у кого возникают сложности, тот имеет право посмотреть. Поверьте, дети честнее нас. Если они знают, как писать правильно, то не поднимают глаз, а те, кому нужна помощь, не будут из-под руки заглядывать в чужую тетрадь, а спокойно спишут с доски. Причём не будут списывать всё подряд. Опять, какая работа! Поднять глаза, найти в тексте на доске эту фразу или слово и записать. После написания диктанта ребята сами проверяют себя, сверяя текст с написанным на доске. Учитель работает штрихом, а не красной ручкой. В результате тетрадь чистая, а не «красная». А оценка должна быть только «хорошей» или «отличной». Почему, мы, взрослые, учителя, ведём себя как нерадивые «гаишники», которые пытаются поймать ребёнка на ошибке и наказать, а не предупредить?!

В своей работе попробовала ещё один приём написания диктантов. Знаю, что слово «диктант» от слова «диктовать», но часто в диктовку учителя вмешивается «жизнь»: то обратишь внимание на осанку ребят, то сделаешь кому-то замечание и т.п. Поэтому записываю текст диктанта на магнитофон (ведь читаем мы тоже со звуковым ориентиром), при этом перед каждым учеником текст лежит на столе. Интересно получается: магнитофон «диктует», дети пишут, а я слежу за правильностью письма. Те же, кто по ка-

ким-либо причинам не успевает, списывают с листа. В этой работе развивается и навык скорописи.

Ещё одна «головная боль» — нормы оценок за изложение. Не могу с ними согласиться. Привычно должна ставиться одна оценка за изложение, причём в первую очередь за орфографию. Тогда и не надо называть эту работу «изложением текста». Ведь в изложении главное то, как поняли и раскрыли тему и идею *текста*. За эту работу и надо ставить главную оценку, а за орфографию — другую. Если ребёнок понимает текст, то возникает образ, а по образу легко излагать, а не просто воспроизводить написанное. Я думаю, что на начальном этапе обучения грамотности ребёнку надо почувствовать вкус слова, а это нельзя сделать через изучение звуков и букв, надо больше читать красивых текстов, надо воспитывать *понимающего* читателя. Это малая толика необычных приёмов, с помощью которых обеспечивается «учение с лёгкостью и увлечением». Используются эти приёмы тоже необычно, точнее — непривычно. Они не для украшения методического замысла, каждый занимает своё закономерное место в системе работы, которая, в свою очередь, подчинена чёткой логике «принципа природосообразности». Я, учитель, по своему почину не могу заменить один приём на другой, казалось бы, меня лишили главного — возможности творчества. Но это только на первый взгляд. Системность и технологичность работы, жёстко обозначая процесс, раскрывают совершенно новый уровень содержательной свободы и ученика, и учителя. Просто творчество теперь потребовалось не в том, чтобы варьировать способы работы, забывая скуку сменой видов бессмысленной деятельности, а в том, чтобы каждый урок был вписан в реальную жизнь семьи и в школьные события. Поверьте на слово, коллеги, жёсткая заданность процесса — технологический плен — это совсем малая плата за ту свободу пользования письменной культурой и словом, которую обретает ученик. **НО**